

18+ Владимир
Ерахтин

Призрак

Ткемали

Владимир Ерахтин

Призрак Ткемали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241632

ISBN 9785006209596

Аннотация

Некоторые рассказы сборника ранее публиковались в сборнике «Однажды». Мир невозможно разделить лишь на чёрное и белое. Этот сборник приключений повествует о том, что наша судьба – дорога с множеством оттенков – жестокие взрослые игры мятежных и грядущих дней, болезненное прошлое и фантастическое загадочное будущее. И, конечно, вера и стремление к счастью, которое можно найти в любые времена, если чаще обращаться к свету. Быть может, вам, читая истории о судьбах других людей, самому захочется что-то изменить к лучшему. Рассказы «Исход», «Волчица» печатались ранее.

Содержание

Призрак ТКЕМАЛИ	5
Волчица	29
Небесные ПАРУСА	45
Легенда о СЧАСТЬЕ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Призрак Ткемали

Владимир Ерахтин

*«Хорошо, когда приключения заканчиваются
победой! Но жизнь – игра непредсказуемая!»*

© Владимир Ерахтин, 2023

ISBN 978-5-0062-0959-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призрак ТКЕМАЛИ

Как можно писать в начале рассказа о погоде, о природе, когда вся эта самая ПРИРОДА – лесная, дикая, естественная – вселилась внутри неё – органично, легко, гладко.

Её звали СТЕФАНИЯ.

Когда она шла по улице, говорила с людьми или просто сидела на лавочке, то к ней слетались птицы, сбегались животные. Мужчины пытались завести знакомство. Женщины ей завидовали, сторонились и лишь ехидно сплетничали за спиной.

Она выросла в лесу, обладала неведомым нам языком общения с миром, с животными, птицами.

Стефания рассказывала как-то мне, что к людям она относится с пониманием и многое прощает. Но ненавидит на свете всего лишь одного человека. И этот человек – её МУЖ.

Как бы в мире человек ни пытался приручить природу, однако стоит ему только отвернуться ненадолго, она тут же покажет, кто сильнее. Стефания поведала мне, что слышала все голоса: везде и повсюду, но прислушиваться, заметила она, имеет смысл только к своему внутреннему. Она говорила очень умные вещи, и мне это нравилось. Казалось, мы были близки по духу. У неё всё сводилось к душе, к внутреннему Я.

Душа всегда подскажет через эмоции, чувства, через зна-

ки, животных, природу, что не надо делать. Это я знал как будущий психолог и старался тоже прислушиваться к себе.

Стефания любила ЖИЗНЬ. В этом коротком слове – всего пять букв, а сколько впечатлений, радости и грусти!

Её проблемы лежали в семье, независимо от неё. Муж не раз за день умудрялся устраивать акты семейного насилия. Стефания уже уходила из дома три раза, но... Но муж продолжал преследовать её, как Призрак, как Тень. Не то чтобы он её так сильно любил, а просто мужчину одолевала дикая страсть к своей жертве, как к собственности, как к вещи. На дворе XXI век, а разорвать оковы брака ей оказалось не под силу: он был бизнесменом при власти, закон вроде бы защищал её, но не работал в данном случае.

Эта Тень появилась в ночи, словно средневековый призрак, и всё-таки вновь догнала свою жертву...

НОЧЬ. ПОРЫВЫ ВЕТРА шумно влетали в приоткрытую форточку. На небе уже видны были росчерки МОЛНИЙ, слышны рокоты ГРОМА. Надвигалась ГРОЗА.

Вдруг в полночь, когда я уже спал, раздался звонок от Неё. Она буквально, кричала в телефон, как бы пытаясь пересилить шум уличного ненастья:

– Если сможешь, помоги... Серёженька, скорей... Он ломится уже в дверь...

Всё-таки она вселилась в меня, я был беременный ею. Поэтому не мог не помочь, чего бы это мне ни стоило...

...Месяц назад, когда я её ещё не знал, моя жизнь прохо-

дила в обыденном покое, как и у большинства граждан...

ВЕСНА в Сокольниках дышала тёплым пробуждающим трезвоном колокольчика соловья. Белая ЗИМА нехотя перекрашивала свои покрывала в серые тона разгульной ВЕСНЫ.

Сегодня был тихий вечер, идеальный, чтобы отдохнуть после учёбы в универе с компанией в лесном массиве старой Москвы.

Мы шумно брели с друзьями по Майскому прОсеку. Вдруг все разом замолчали, и наши взоры устремились на одну женщину. Навстречу шла Стефания – роковая женщина нашего района. В столице очень много красивых женщин, но эта мадам особенная.

Она не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно братцам-кроликам, поголовно становились жертвами её чар. Её красота была от природы, целая гамма манер от лани, пантеры и лисицы, букет из бегонии, розы и глицинии.

Район столичный как деревня – люди жили не только работой, но и сплетнями. Поговаривали о ней разное: кто говорил, что она цыганка, кто сказывал, что она колдовством разбивала семьи, уводя мужиков, а кто и вовсе считал её проституткой. Она ходила всегда в чёрных нарядах, одевалась по моде, была похожа на овдовевшую жену богатого торговца.

Я всегда удивлялся, как далеко могут зайти фантазии и воображение людей, которые, не зная человека, перемыва-

ют ему косточки.

Такие люди любого человека, который среди них как белая ворона, объясняют колдовством, наговорами вплоть до проституции и суеверия. Другие то же самое объясняют современными научными терминами типа воображуля, модница, психически больная, тайная любовница самогО... Интересно получается, когда оба объяснения в итоге не работают.

Жила она в уединении в старом двухэтажном доме. Появилась внезапно, недавно, но слух о ней пронёсся по улицам района холодным вихрем в геометрической прогрессии.

Каким-то странным было её женское гордое очаровательное поведение. Никто из окружающих ничего не понимал. Стефания своей пылкой внешностью, эмоциональным, зычным голоском легко могла взять в полон любого мужчину... Но не брала!

Она громко смеялась над бабьими колкими шутками, в жизни могла позволить себе чуть больше неприличия, чем другие женщины, но не была замечена в этом.

РОКОВАЯ женщина с полуприкрытой грудью, которая дышала, как у оперной певицы, с осиной талией и слегка пышными бёдрами сейчас вдруг остановилась перед нами.

– Вот Вы, – она посмотрела близко прямо мне в глаза. – Смогли бы меня проводить к дому через парк? Больно сумки тяжелы.

И она свысока посмотрела на других. Окинула большими

чёрными ресницами так, будто набросила невидимые сети, и все замерли в ожидании моего ответа. У меня от её женского пронзительного взгляда внутри всё обмякло, я стал ватным и податливым. Никогда так властно, до самой дрожи, никто не посягал на мою СВОБОДУ.

Я был горд и упрям, малоопытен и безгрешен. Но такого опыта общения с женщиной у меня ещё не было. Я сдался. Все, словно загипнотизированные, остались стоять как вкопанные. А меня разбирало любопытство.

А ведь мы с ней несколько раз пересекались на улице, видно рядом жили. Всякий раз она изучающе-любопытно поглядывала на меня или мне это только казалось, но было приятно.

Я подхватил её сумки. Какое-то время шли молча по лесной тропинке рядом. Рыжие меховые белки, голосистые птички сопровождали нас в ожидании корма. Моя спутница что-то посвистывала им, бросала крошки, наполняла орехами кормушки.

Иногда она, оступаясь, будто падала, касалась меня, а я её невольно подхватывал, перекладывая сумки в одну руку. Мне были приятны её тёплые касания. Там, где тропа сужалась, я пропускал её вперёд и любовался её изгибами тела.

«Сколько ей? Тридцать пять или меньше? – гадал я. – Любая красивая женщина знает свои КОЗЫРИ. Их у неё не так много. Ножки, бюст, милое личико. Посмотрим, чем...»

Она резко обернулась, поймав мой любопытный взгляд

ниже талии.

– Меня зовут Стефания, – и протянула свою тёплую, мягкую руку.

Мы познакомились. Я нахально продолжал сзади рассматривать её стройные крепкие ножки.

– Ты любишь играть в ножички? – вдруг снова обернулась она и вновь поймала мой взгляд.

– Да, – залепетал я, отводя глаза. – Мы иногда с ребятами забавляемся. А что?

– Отец мой был егерем, и мы с ним часто играли в «Земельку» – землю делили. Этот красивый парк напомнил мне тот нарисованный круг с детства. Он также разрезан на просеки. Серёжа, а ты из этого района?

– Да. Я живу на Егерской.

– Ой, почти соседи, а я вот в этом Малом Оленьем переулке. Мы пришли.

Я отметил, что даже поселилась она на улице с лесным названием и рядом с городским лесом.

За разговором даже не заметил, как быстро мы дошли. И краем глаза отметил, как за нами сзади, поодаль, шпионили мои любопытные товарищи.

А мне хотелось, чтобы путь был ещё длинней и чтобы никто не мешал нам. Мне она казалась обворожительной женщиной, похожей на Аксиныю из «Тихого Дона». От нее пахло лёгкими духами и мятой, отчего хотелось понюхать её вблизи и задержать этот приятный вдох в себе.

Она словно прочитала мои мысли и попросила занести сумки к ней домой:

– Здесь я снимаю квартиру, здесь моё убежище.

Уже в комнате Стефания подошла и выглянула в окно, где за углом на улице притаились ребята, и демонстративно задвинула шторы.

– Посиди немного, пусть пацаны тебе позавидуют, – она дотронулась слегка до моего плеча. – Хочешь чаю?

– Да, можно.

– Поможешь?

Мы пошли на кухню. Она впереди в светлой, полупрозрачной блузке и чёрной юбке. И опять мысли сбивались, я думал не о чае, глядя на «гитару» в форме китайской чайницы.

На вопрос, какой я предпочитаю чай – чёрный или зелёный, я почему-то ответил «смешанный». Всё во мне смешалось в этом доме.

– Какой ты смешной, – она заглянула мне так близко в глаза, что обожгла, как молния одинокого путника в степи. В её взгляде было что-то цыганское, живое, озорное.

И я медленно стал тонуть в её глазах. Не выдержав её напора, на всякий случай отвёл глаза в сторону.

Приятная истома охватывала всё тело.

Она словно дистанционно управляла мной: подводила блаженство к пику и отпускала, поднимала мою мужскую силу и вновь опускала. Меня бросало то в огонь, то в ледя-

ную прорубь. Стефания как будто острым тройным крючком блесны вцепилась в моё тело, душу, что я ощущал физически, как горячая кровь хлещет из меня, разливается по рукам и ногам, приливая в голову. Она, словно ЛУНА, управляла моими эмоциями и жидкостями, создавая приливы и отливы.

А я ничего не мог противопоставить, я превратился в послушного зомби. Возьми она меня сейчас голыми руками, и я бы сдался: был полностью в её власти. Я практически ещё не знал, как себя надо вести, никогда не был в подобной ситуации.

«Зачем она меня так мучает?» – где-то в уголке ещё трезвого полушария мелькнула мысль. Но мне всё это нравилось.

И вдруг она словно услышала меня, села тесно рядышком, взяла мои руки и, глядя ниже лица, промолвила:

– Ты очень сильно похож на моего отца – любимый образ, на который ты очень похож, – она провела рукой по моим волосам. – Вот так лучше. Я неосознанно создала этот образ мужчины с детства. Но вышла замуж глупо, по молодости. Муж намного меня старше, и в жизни, в отношениях и во всём – совсем другой человек, полная противоположность моим идеалам.

– Вокруг вас так много интересных мужчин, – невпопад сказал я. – Вы легко могли бы найти себе достойного...

– Нет, другие мне не нужны ни за какие деньги, – перебила она. – Жизнь моя поселилась на кончике перочинного ножа

того, кто похож на моего папу. Ты думаешь, я чокнутая?

– Нет... Наверное... Вы прекрасны.

– Он очень любил меня, а теперь его нет, и мне не хватает его любви.

– Я вам сочувствую.

Она промолчала, лишь отвернула взгляд. Встала, подошла к окну. На улице темнело. Сумерки заползали уже в квартиру.

– Друзья твои ещё не ушли, – и, оторвавшись от окна, посмотрела на меня.

– И мне пора! – то ли спросил, то ли, сожалея, вымолвил я.

– Придешь ко мне ещё?

Я смотрел на неё и не знал, что ответить.

– Если не придешь, то я сейчас выключу свет в комнате, и твои друзья разнесут на всю округу, какой ты хороший.

– Приду, приду, – сдался я.

– Шучу, но.., – она провела пальцами по моим волосам. – Я хотела бы тебя видеть и общаться. Вот и славненько. Я тебя буду ждать.

Я быстренько собрался и пошёл. Уже у двери Стефания задержала рукой. Я снова был в её власти.

– Соври им что-нибудь, – она снова стояла так близко, что кровь разливалась по жилам не равномерно. – Сумеешь?

Я лишь улыбнулся и кивнул головой.

Во дворе и за углом никого не было. Значит, она соврала, чтобы вырвать моё согласие. Зачем я ей?

Я пошёл длинным путём через парк. Во мне боролись два человека, а может, больше двух. Один зло говорил: «Выпей чего-нибудь крепкого, проспись и забудь её», а другой, по-добрей – поблагодарить подсказывал за науку и опыт. Третий вообще хлестал меня в обе щеки – открыто встречаться ты с ней не можешь, блуд сплошной, засмеют. И не вздумай!

Друзья, когда увидели меня на следующий день, наперебой расспрашивали: «Ну как? Что у вас было? Договорились? Не понравилась?»

– Да успокойтесь вы, вороньё! – отмахнулся я. – Просто помог донести тяжесть и выпил чай.

Вроде бы и не соврал. Но внутри разгорался пожар. Мужское влечение всё же перебарывало: «А вдруг не узнает о нас никто? А если узнает?»

Я долго не решался вступить на путь... встречи с женщиной, которая годилась мне по возрасту чуть ли не в матери. Во мне продолжали шумно бороться разные звери, но я упорно шёл в сторону квартиры в Малом Оленьем.

Возле кафе с большими стёклами я поскользнулся и чуть не упал. Оглянулся по сторонам и увидел за стеклом её. Стефания сидела одна за столиком и яростно рвала чьи-то фотографии. Она тоже огляделась, наши взгляды встретились. Она сначала смутилась, но взяла себя в руки и махнула мне, приглашая за столик.

В кафе днём было малоллюдно, и я смело присел за её столик в углу полутёмного зала. Краем глаза я увидел на разо-

рванном фото лицо седеющего мужчины.

– Что же ты не заходишь? – спросила она, глядя прямо мне в глаза своим изумрудным пронзительным взглядом. Мне даже показалось, что она читает мои мысли, и я постарался их пригладить, чтобы не выдать свои сомнения. – Я ждала тебя. Хотела больше рассказать о себе и тебя послушать. Придешь?

После нашей встречи в кафе я стал заходить к ней на квартиру. Тайком, озираясь, чтобы никто не увидел, украдкой пробирался в Малый Олений.

Стефания была рада каждому моему приходу, держала мою руку своей горячей рукой и взволнованно говорила:

– Ты на сегодня победитель, а я грешный цветок. Ты для меня словно живительная вода. Я хочу, чтобы ты дал мне возможность снова расцвести, ожить и радоваться.

Она так красиво говорила и сразу читала по моим глазам. Мне было приятно, что такая взрослая красивая женщина обратила на меня своё внимание. Я просто думал: почему я? Неужели только из-за того, что похожу на её отца? Вон сколько крутых взрослых мужиков за ней увивалось. Может быть, с ней нелегко? И она тут же отвечала, как будто все мои мысли были на глазах, на лбу, на руках:

– Нет. Всё не так. Моя душа, моё сердце видят только тебя, другие пусть проходят мимо. Разумом я не могу объяснить, почему так. Я просто живу чувством, оно раскрывает мне глаза и сердце. Когда я гуляю по улицам, часто встречают-

ся люди-предметы: человек-робот, человек-бумажка, человек-зверь. А ты не такой, ты человек-человек! Добрый, нежный и смелый.

Как мне легко было с ней! Она понимала меня с полуслова. Можно было ничего не говорить, а просто молча разговаривать какими-то волнами, как рыбы. Я готов был уже крепко обнять её, но что-то сдерживало, может быть, разница в возрасте, а она продолжала считать:

– Ну и что, что разница. Главное – любовь! Мы могли бы сначала пока просто встречаться, а потом уедем туда, где нас не знают. Вдвоём преодолеем всё.

Тайно встречаться? Но всякое тайное со временем всё равно становится явным. Но она снова и снова отвечала правильно, логично, в самую точку. Я устало, после вчерашнего экзамена, посмотрел на неё.

– Приляг на диван, отдохни, – предложила она и выключила свет. – А я посижу рядышком.

Я соглашался со всеми её доводами, предложениями. Она – мудрая, опытная женщина. И я – глупый, податливый, желторотый юноша. Я сбросил рубашку и брюки и юркнул под плед. Она присела рядом и тоже в темноте что-то сбросила. Взяла мою руку и провела по своим ногам. Я почувствовал её голые колени, бёдра.

– Ах ты, мой милый мужчина, – она гладила другой рукой мои грудь, плечи, голову, отчего было тепло и приятно, я даже задрожал.

– Ты, наверное, замёрз, – и она легла, прижалась всем своим тёплым телом. – Мне бы только голову прислонить на твоё плечо, как это делала я в детстве рядом с отцом.

Это нежное, откровенное прикосновение подействовало на меня, как ключ зажигания, для запуска моего дремавшего мужского организма, вызвав во мне лёгкое возбуждение. Нет, конечно, я бывал с девушками близок, но... Но этот неземной контакт превзошёл все ожидания, как короткое замыкание. Он был совсем не таким сладостным, каким я рисовал нашу возможную встречу десятки раз в своих юношеских фантазиях, он был неопишуемым. Руки сами стали путешествовать по её гладкой коже. Наши губы захватили друг друга в поцелуе. Я не знал, как правильно надо, поэтому просто приоткрыл губы, остальное сделала она. Впервые почувствовал мятный вкус влажных женских губ. Её руки умело снимали с меня остатки одежды, а я, словно ученик, повторял всё за ней. С каждым движением я забывал про свою застенчивость, бешеная страсть охватила меня целиком. В ответ почувствовал ещё большую страсть. Стефания властно выпорхнула из себя, будто пружина, сжатая долгим воздержанием.

– Иди ко мне, – прошептала она. – Я больше не могу...

Я снова подчинился. Через некоторое время я с наслаждением ясно почувствовал запах, тепло и влагу её тела. Мы оба наслаждались друг другом. И ночь длилась длиннее века. И всё было как будто в первый раз, но на пике страстей

и эмоций.

В темноте я ничего уже не стеснялся, а только прислушивался к её дыханию, движениям и шёпоту. А она шептала:

– Не спеши, не спеши, милый мой, как же мне хорошо с тобой...

Как она ни прикрывала свой ротик ладонью, но вскрикнула, и я тут же вторил ей. Тело на пике извергло энергию, сок, встречные конвульсии, и мы без сил откинулись, отпали друг от друга, медленно возвращаясь на эту грешную землю.

Мы молча лежали ещё какое-то время. Затем она, набросив халатик, принесла фрукты, удобно легла и стала рассказывать свою историю.

Её мать была наполовину цыганкой, прекрасно пела и танцевала. Отец влюбился в неё сразу. Но они сторонились людей и жили отдельно, в лесу, на хуторе. Женскому роду по материнской линии не везло: словно проклятие висело над ними.

Вот и Стефания рано осталась без матери. Отец был добр, красив и любил её. Сначала дочь стеснялась его. Но когда стали по ночам в её постели вдруг появляться красные пятна на простыни, что-то произошло с ней внутри, будто щёлкнул переключатель: пробуждающаяся природа в ней требовала наполнения чаши любви.

Как-то по осени страшная гроза разбудила её: ветки деревьев стучали по стеклу, хлопнула форточка. Стеша побежала к окну и замерла, увидев за стеклом мать во всём белом:

«Иди к отцу и скажи ему, чтобы он не женился на другой!» – услышала она её голос.

И, испуганная увиденным, Стеша бросилась босиком в одной ночнушке в спальню отца. Вбежала к нему, прикрывая руками в разрезе появившуюся грудь, и сказала дрожащим голосом:

– Мне там страшно и холодно. Можно, я с тобой полежу?

Он молча пододвинулся, и она легла. Как мышь, юркнула ему под мышку, прижалась к его крепкому телу. И это тепло, и родной запах, и его поцелуй в голову, и тёплое поглаживание – всё дало ей минуту наивысшего счастья, отчего она сразу стала засыпать. Лишь услышала, как буквально прошептал отец: «Как же сильно ты стала похожа на мать! И запах, и...» Она вдруг вздрогнула всем телом, а он прижал её ещё сильнее, подумал, что она испугалась. А она лишь вспомнила и прошептала сквозь сон слова матери: «Только никогда не женись!» А он гладил её в ответ и лишь промолвил: «Ах ты, моё чудо! Да никуда я от тебя не денусь!» Но она уже толком не слышала его слов. Спала, словно птенец в уютном, тёплом гнёздышке. И не было для неё никогда в жизни более безопасного места и более счастливого состояния души, чем это.

Стефания и в дальнейшем приходила в минуты отчаяния ночью в спасительную обитель. Отец гладил её по нежной беспомощной головушке, но с её подрастанием, бывало, вдруг вскакивал и бежал во двор к поленнице рубить дрова.

Она видела, как он яростно и ожесточённо махал топором, что чурки и щепки летели во все стороны. А когда уставший возвращался в дом, то видел приятную картину, как дочь готовит ему любимую утреннюю яичницу с салом, луком и помидорами. Это был их любимый завтрак с женой.

– Я буду готовить тебе всегда, только не женись, – вспоминала она наказ матери, подавая ему чистое полотенце, и добавила: – Я хочу быть тебе совсем как мама.

Она довольная своей стряпнёй садилась к отцу на колени и прижималась всем телом, как это делала мама.

«Как же ей не хватает материнской ласки!» – подумал отец, глядя её по нежному беспомощному затылку своей большой грубой мозолистой ладонью.

Но время летит и делит жизнь на этапы. Стефания подросла, тело оформилось, появились женские, приятные для взгляда сильного пола выпуклости. Она стала маленькой дамой. К отцу приезжали разные мужчины поохотиться. Однажды появился дядя Миша – большой чиновник, бизнесмен из города.

Некоторые мужчины при знакомстве с женщиной в первую очередь воспринимают её внешность, оценивая её тело, физические данные, а затем уже, возможно, обратят внимание на неё как на личность. Такой потребительский подход нарушает женские границы и является по отношению к ней в определённой степени насилием. Дядя Миша смотрел на юное создание именно таким маслянистым похотли-

вым взглядом, что было ясно, что рисовала его буйная фантазия, когда он хитро прищуривал свои узкие глазки.

Михаил задаривал красивую молодую девушку дорогими подарками, и попросил у отца руку и сердце дочери. К тому же добрый дядя Миша подарил егерю новенький карабин «Сайга».

Да и как тут устоять, красивый: тёмно-каштановые волнистые волосы, небрежно зачесанные набок, светлое лицо с правильными чертами: высокий лоб, темные брови с резким изломом, прямой большой нос, упрямый подбородок. В его роду были грузинские корни. Любил угощать, обожал острую пищу, особенно ткемали. Друзья его иногда так и кликали: «Ткемали!».

И девушка не устояла, пошла с ним в ЗАГС. Да и отец настаивал...

...А я представил, какой красоты была невеста. Стефания, наверное, была облачена в нежное свадебное платье с кружевным лифом, смелое декольте открывало большую нежную грудь, и воздушной многослойной юбкой, подчёркивающей и так крутые бёдра...

Но, как говорила она, их брак трещал от его загулов и измен. Принц местного разлива не упускал возможности, чтобы не трахнуть понравившуюся ему какую-нибудь новую, молодую сучку.

Стефания по дому делала всё. Михаил приходил, когда ему вздумается, ел приготовленную пищу, недовольно вор-

чал, придирался к чистоте в квартире, мог ущипнуть её за бедро. Накуражившись, хватал её, уже доведённую до пунцово́й крайности, своими крепкими медвежьими руками и нёс в спальню. Она пыталась вырваться, царапалась, а он кусал её губы, соски, шею. Его губы походили на вампира. Вкус крови ощущался и на его, и на её губах. На лице насильника, как зигзаг молнии, блуждала самодовольная усмешка.

«Я люблю тебя, стерва, такую строптивую лань, – кричал он ей в ухо. – Давай ещё, дерись, детка, сопротивляйся!»

В необузданной страсти он наваливался всем своим толстым животом на обессиленную жертву.

И вся её сущность разлеталась на мельчайшие осколки, по всей вселенной, в бесконечность. А он, удовлетворившись, поворачивался на другой бок и храпел до утра. Не найдя счастья, бедная женщина всю ночь собирала свои разлетевшиеся частички тела и души и снова склеивала их горькими слезами. Лесной девичей Вселенной в городе не получилось. Неужели она так навсегда и останется в своей семейной сингулярности.

Жизнь её была как в «золотой клетке»: вроде бы всё есть, муж вот так по-своему вроде бы любит, а радости нет никакой. Он часто разъезжал, якобы по делам, но никогда её не брал с собой.

Она несколько раз заикалась уйти к отцу, если Михаил ничего не изменит в её жизни, но тот обещал взять горничную, съездить на юг, ещё что-то. Но проходило время, а воз

оставался и поныне стоять на том же месте.

Отца вдруг не стало. Его убили, якобы воры, когда залезли в дом, чтобы украсть карабин. Тёмная история. Убийцу не нашли. Дело поспешно закрыли. Но в опустевшем отчем доме она уже одна боялась появляться.

Стефания долго терпела грубого похотливого «дядю Мишу», потом боролась, как могла, а затем сбежала от такой грязи, так как развод он ей не давал. Ему нравилось садистски, планомерно издеваться над неопытной и такой непокорной женщиной.

– Каждая несчастливая семья, несчастна по разным причинам, а счастливых семей я не видела! – промолвила она в конце своей исповеди. – Иногда, кажется, вот счастливая семья, но когда узнаёшь чету поближе, то думаешь, лучше бы я не приближалась.

Стефания вспоминала картины прошлой жизни, и на глазах её появлялись слёзы...

В течение месяца я приходил к ней регулярно. Мне с ней было интересно. У неё оказалось много козырей, не только внешность, но она их не выпячивала, а вела себя естественно. Она прекрасно пела своим бархатным низким голосом, меццо-сопрано. Танцевала разные бальные танцы. Я тоже умел неплохо танцевать, и мы вместе ходили иногда в зал подвигаться на паркете в ритме музыки. Захватывал дух, когда я её обнимал в вальсе, но через некоторое время вроде бы привык, успокоился. Нашу пару организаторы даже выдвигали

нули на платный конкурс, где победителям достанется солидный куш.

Мы уже строили планы на какой-то ближайший этап нашей жизни. Я уже чувствовал, предвкушал, что он будет весьма прекрасным. Рядом со Стешей почувствовал себя совсем взрослым, опытным мужчиной.

И вдруг ночной звонок...

...В ту же минуту я быстро на ходу оделся и побежал в Малый Олений на помощь. Но увы... Опоздал. Дверь открыла хозяйка. В комнате были разбросаны вещи, валялись стулья и постель оставалась разобранной.

Я представил, что теперь её снова везли насильно, под охраной, что впереди Стефанию ожидала «золотая клетка» домашней тюрьмы.

...Старушка сказала, что приезжали трое, один из них – муж, и насильно забрали бедную женщину. Она сопротивлялась, кричала, звала на помощь. Хозяйке пригрозили никому не звонить и не говорить.

Досада и растерянность овладела мной. Если бы мы сбежали вдвоём!

Могу ли я сказать, что Стефания – свет моей души, зажжённая внутри огонь? Да, она вызвала во мне какое-то, спавшее до сего дня, бурное желание и влечение. Я целый день ходил с мыслями о ней, ложился спать и просыпался с ней. Что это? Любовь или..? В голове сплошные вопросы. Ответов нет. Есть лишь мужское влечение.

Я понимал, что она не могла просто вот так навсегда уехать. Она всё предчувствовала.

Ещё раз вернулся, поискал у двери: может быть, она для меня что-нибудь оставила. Так и есть, под ковриком нашёл записку: «Ищи у входа в парк, где мы с тобой шли в день нашей первой встречи».

Она оставила знаки, по которым я не сразу нашёл вторую записку в камнях ограды парка, прямо, как в «Стене плача». В ней был крик души любящей женщины:

«Мой милый, нежный, добрый мальчик, здравствуй. У меня, конечно, было предчувствие, что Ткемали всё равно найдёт меня. Спасибо тебе, что не оттолкнул меня, спасибо, что был со мной. Ты дал мне насладиться самыми счастливыми минутами. С тобой я была счастлива. Ты – любовь моя, свежий глоток воздуха.

Может быть, нам надо было не спешить, дать созреть хрупкому ростку любви. Поливать незрелое семя по капельке. Один неверный шаг, соскользнувший с тропки души сердечной, и ты летишь в пропасть неЛюбви. И снова люБоль, вновь приходится залечивать раны души. Рубца не видно, но времени надо поболее, чем заглушить рану на теле...

Мой грозный муж – страшный человек, если бы он застал нас с тобой вдвоём, я не знаю, но он мог убить нас. Но я чувствую своей цыганской кровью, что он нехорошо закончит свою жизнь.

Милый мой мальчик, я уже далеко. Я снова оступилась

на своей тропинке, как тогда в парке. Сложно найти своего мужчину. Но я, кажется, только теперь нашла. Когда находишь, то уже не смотришь на возраст. Извини, я испугала тебя тогда. Прости, не сдержалась, набросилась. Это моя необузданная страсть, это от радости нашей встречи. Буду вспоминать тебя. У тебя в жизни обязательно будут желанные встречи с юными дамами, такими же, как и ты сам. Мне, конечно, больно, очень больно. Но я для тебя... Всё же надо принимать реальность, а не свои ожидания от неё. Но мы настолько погружены в себя, что бывает сложно вынырнуть в эту не желаемую для души реальность дней.

Но я всё равно буду приходить к тебе в снах, с тёплым ветром, с прохладным дождём в знойный день...»

Я почему-то смял, скомкал записку и сунул её в карман. Набрал её номер, телефон был недоступен. Пошёл в бар и напился. Я был недоволен собой: нерешителен, несмел... и очередная рюмка опустела. Это как башкой удариться о косяк: психическая травма.

И действительно, Стефания в моих воспоминаниях непременно возвращалась: в фантазиях, с дождём среди лета, буйным, весенним ветром, срывающим с тебя белые лепестки, или выпавшим вдруг в октябре первым снегом...

И я вспоминал её снова и снова, как когда-то я пришёл к ней в очередной раз и не сдержался, спросил:

– Стефания, почему ты носишь чёрную одежду? Что это – дань моде или..?

– О, нет, мой милый, нежный друг, сначала я думала, что этот цвет мне идёт, живя рядом с таким мужем, но потом поняла, что это траур по моей прежней жизни, – перебив меня, ответила она и как-то странно засуетилась. – Но теперь пусть всё будет в прошлом. Я начинаю новый этап в своей жизни.

И она вдруг прямо передо мной стала сбрасывать с себя свою чёрную одежду, оставшись буквально в нижнем белье. Не обращая на меня никакого внимания, вроде как меня и не было рядом, она надела светлую блузку и юбку. Победно подняв руки вверх, она вскрикнула, как будто произошло какое-то чудо:

– Оля-ля. Ну как, я тебе нравлюсь?

– Светлые тона тебе намного лучше, – ответил я, но про себя подумал, что без одежды она просто сама женственность, Афродита. Я не выдержал, подошёл к ней: и целовал, и обнимал и никак не мог напиться этим странным чувством, но очень желанным. Что это? Любовь?!

– Будем считать, что самое страшное позади: трудны дороги не под ногами, а те, что пройдены душой, – и она засмеялась заразительно, звонко.

И мне очень хотелось верить в этот момент, что испытания её судьбой останутся позади. Но судьба ведёт тебя на новые испытания, словно играет тобой. Не наигралась, проклятая.

Я ещё раз набрал её номер телефона. Ответом было мол-

чание. Телефон единожды чужим голосом сказал: «Абонент недоступен!» И тишина. Я шёл по парку, но все звери и птицы, будто почуяв неладное, примолкли. Лишь вороньё летало чёрной тучей над осколками наших встреч и остатков любви.

«Я найду тебя!» – подумал про себя и послал ей смс с этими словами в белый свет, как в копеечку...

(Продолжение будет)

Волчица

Лес после закатного зари стал чёрным. Деревья зыбко задрожали от вечерней прохлады и клонились друг к другу в надвигающихся сумерках, якобы пытаясь согреться. Приволжье погружалось в безмолвное молчание майского вечера. Посвежело от реки. Стихли звуки.

Уставший охотник тихо продвигался между деревьями после долгой, но неудачной охоты. Он с раннего угрюмого утра скитался в дальних уголках леса, свободного от сел и деревень. Его длинные русые волосы, напитанные телесной солью, напоминали чумазые сосульки. Дичь добыть – как пуд соли вместе с потом выделить. С годами все сложнее стало в лесах взять зверя. Ягдташ болтался сбоку пустым, лишённый трофея. Его обученный пёс бегал по синусоиде, то вправо, то влево.

У поваленной вместе с корнями берёзы охотник вдруг увидел чёрного щенка волка. «Заберу-ка я его с собой, хотя бы что-то принесу домой. Будет для забавы детворе», – дикое желание жадно толкало нарушить гармонию леса. Он оглянулся и бросился к щенку. Внезапно из кустов выкатились кубарем ещё два серых волчонка. Охотник в нерешительности остановился. Из-за ели, оскалившись и багрово серея, вышел большой волк и встал, как стена, между ним и щенками. В глазах у него мелькал факельный блеск, словно

горячий сироп варенья из красной смородины. Пёс заскулил и присел.

Волчата позади отца-волка продолжали прыгать друг на друга, как бы играли. Но, получив незаметный сигнал отца-волка, бросились в свою нору. Охотник, не задумываясь, вскинул ружьё и выстрелил, почти не целясь. Зверь закрутился на месте, полетели брызги крови и мочи. Туша шерсти обмякла и повалилась в красную лужу. За ним неподвижно лежали два маленьких серых комочка. Спустя минуту пёс из норы выволок оставшегося в живых волчонка, которого охотник небрежно бросил в мешок.

«Хорошо, что заряд вставил в стволы на крупного зверя – картечь и дробь четыре нуля, – пронеслось торопливо в мозгу, и он стал оглядываться. – Это волчара! А где же волчица? Надо до звёзд уходить из лесу».

Луна осветила лес, прочертила четкие тени стволов, разбросала вокруг кляксовые пятна густых кустов. Охотнику казалось, что за каждым тёмным кустом его подстерегает опасность. Ведь он всегда беспредельничал на территории леса безнаказанно. Лес – это звериное царство. Человек в нём гость. Местные знали, что волки избегают человека и при встрече с ним обращаются в бегство. Нападают же на человека лишь тогда, когда больны бешенством, ранены, или в голодную зиму.

Луна поднималась всё выше и выше. Сгущалась тьма. Охотник от испуга так спешно покидал место расправы, что

успел вместе с тьмой выскочить из закрывающегося зелёного занавеса.

Перед женой, которая кормила грудью шестимесячную их дочку, он похвастался добычей. Повертел волчонка и перед своим пацаном. На что сын сказал ему:

– А давай сделаем домик небольшой. Пусть поживет в нём.

На том и остановились: клетку из металлических прутьев поставили в снях, чтобы не перегрыз...

Волчица легко бежала во тьме по следу обидчика, по ещё прохладному ночами лесу. Её прыжки, несмотря на стремительность, были бесшумны. Словно тень скользила она по чаще, перепрыгивала через валежник, пни. Хорошо, что дождь не смыл человеческий запах. Временами останавливалась, нюхала воздух и, подняв торчмя уши, прислушивалась к предутренней тишине. В этом году весна приходила как-то нехотя, и май был больше похож на апрель. Волкам не страшен холод, лишь бы нос не замерзал. Нюх для волка – самое главное в жизни. У околицы селения вдруг появился до боли знакомый родной запах. Волчонок!?! Она стремглав перемкнула деревянную изгородь, обошла спящую избу. Все запахи оказались задранными на засов. Её жизнь теперь превратилась в сплошное обоняние. Но во всём мире она искала два запаха: один – спасти, другой – отомстить.

В глубокую полночь, когда сон крестьянина крепок, молодая хозяйка вскочила с постели потревоженная и толкну-

ла храпящего мужа. Она привыкла вставать на детский плач, а здесь откуда-то – непонятный вопль. Из лесу послышался зловеший, дикий волчий вой, пропитанный болью и тоской. Сквозь мрак и холод он долетал до них в тёмной избе, казалось, отовсюду. Женское сердце тревожно забилося.

– Зря ты, Шакалин, убил волчат. Чую, беда где-то рядом ходит.

– Молчи, мать, а то накаркаешь. Спи! Завтра избавлюсь и от волчицы. Может, из-за них зверья в лесу меньше стало. Спи!

Опасность больше исходит от человека злого, бескультурного, чем от зверя, если он не ранен человеком или не болен бешенством.

Утром спозаранку охотник начал подготовку к облаве. Мальчику наказали стеречь спящую в коляске шестимесячную сестрёнку. А он, несмышлёныш, присел в сенях и стал гладить волчонка. Тот, как котёнок, нежно смотрел на него и урчал от ласки. Но как только появился на пороге охотник, шерсть его вздыбилась, в глазах сразу изменилась окраска зрачка. Сквозь оскал послышался даже рык.

– Убери, засранец, руку из клетки. Смотри, чтоб он тебе её не оттяпал. Это зверь, а не котёнок.

Как только злой отец скрылся за ворота, волчонок опять превратился в котёнка.

Мальчик продолжил игру, как вдруг у детской коляски появился волк. Глаза хищника смотрели прямо на него. Это

была злоба, рождённая жестоким горем, как волчьи клыки, безжалостным, как месть. От жуткого звериного взгляда страх руками парнишки захлопнул дверь в избу, мальчик забыл обо всем. Запах из коляски привлек нюх волчицы. Она схватила эту маленькую живую частичку охотника зубами за белые намотанные тряпки и была такова.

В холодном логовище уже никто не ожидал одинокую мать. Волчица держала в зубах человеческого детёныша, ребёнка убийцы её детей, и не знала, что с ним сделать. Голос пролитой крови управлял всей её сущностью. Волчица села, не замечая голода, и стала ждать обидчика-убийцу её первых детей и их отца, чтобы отомстить. Она знала, как это сделать. Надо было одним прыжком накрыть жертву. Сгорбив до предела костлявую спину и пропустив далеко вперед задние ноги, волчица взметнётся вверх и..! Всё будет кончено.

А пока одинокая хищница сидела и вспоминала, как начиналась их волчья любовь...

Наша героиня росла в стае волков крепкой и умной. Волки-самцы уже домогались молоденькой самки. Тёрлись об неё, пытались наскокавить сзади. Она огрызалась и отбивалась. Следы её зубов имелись у всех ухаживателей. Но волки ни разу не ответили ей тем же.

Волки легко понимают друг друга. Язык хищников – самый короткий в мире. Вожаку достаточно бровью повести, и вся стая ринется в бой, даже если он окажется последним для них. Старый волк показывал молодым, как сначала скра-

дывался, а затем гоном брал добычу.

Молодой сильный вожак, годоводок волчицы, впервые в своей жизни столкнувшийся с любовью, поплатился за неё, проиграв опытному, изрезанному шрамами старику какой-то необычной чёрной масти. Старый волк был мудр в делах любви не меньше, чем в битвах. Обычно достаточно волкам посмотреть друг другу в глаза, чтобы без драки решить – на чьей стороне преимущество. Но здесь – любовь. Вожаку нельзя отступить.

Бой начался с утра. Жестокая схватка продолжалась до вечера. Безжалостные клыки бывших собратьев по стае вонзались друг в друга со всех сторон. Любовь владела ими, что круче голода. Когда шерсть встаёт дыбом, клык ударяется о клык, рвёт, полосует тело другого.

В перерывах боя они косились на свою любимую. Волчица сидела на снежном пригорке, улыбалась им сверху и ждала победителя. Вокруг снег был взбит буграми и залит кровью. Уже за бело-зеленый хребет упало солнце, а они все не унимались.

Молодой вожак повернул голову –лизать рану на плече – и поплатился жизнью. Короткий бросок хитрого матерого волка – и всё было кончено. Отчаянный крик разорвал лесную тишину и пугающим эхом осел наземь, расплываясь в чаще жуткой вестью: предстоит выбор нового вожака стаи. В волчьей стае – строгое разграничение обязанностей. Тут каждому – по его силе, по его ловкости. Чёрный волк

по праву мог стать вожаком, но старому, ещё сильному зверю хотелось любви и спокойной жизни в уединении с лучшей самкой. Победитель гордой поступью, но с привычной опаской быть укушенным в очередной раз, направился к молодой волчице. Та встретила его неожиданно ласково, сперва обнюхала, затем не спеша зализала раны и поддалась на его ласки. Чёрный взял её. А через два с лишним месяца она стала гнездаркой – появились три щенка. Один был похож на Чёрного.

Забыты были и побеждённые соперники, и повесть о любви, кровью написанная на снегу. Они бежали из стаи. Бежали и счастливо тёрлись на бегу боками. Старый волк то и дело теснил её, тыкаясь своей покрытой рубцами мордой то в бок, то в плечо, то в шею. Волчица была счастлива от постоянного проявления любви своего опытного партнёра.

Своё логово – метров пять длиною – они раскопали у старой берёзы, поваленной ураганом, под большим ольховым кустом. Вход в нору замаскирован толстыми ветками упавшей березы и был почти незаметен для постороннего глаза. Рядом красовалась поляна, окружённая высокой стеною лохматых сосен. Посредине росла многоярусная ёлка – хороший ориентир для старого волка. С ели почти до земли свисали снежные гирлянды. Здесь они часто сживали по ночам с Чёрным, глядя из-под завесы на холодный свет луны. Среди задумчивых сосен ёлка казалась действительно сказочной. Она приносила им радость тогда и потом, когда под

ней бегали их волчата.

Они установили границы территории и заставили всех своих врагов уважать их. Границы были обозначены приметными деревьями, выступами скал, пнями, валежником и помечены. Вход в страну приволжской чащи с того времени навсегда был закрыт чужим стаям. Наступило для них лучшее время: жить бы да радоваться. Но злой охотник и нарушил их лесную идиллию. Ту кровавую картину: мертвых волчат вместе с Чёрным – она не забудет никогда. Только оборотень мог одолеть и завалить её крепкого, умного хозяина и лишить её первого потомства. Она обязана отомстить...

Теперь, оставшись совсем одна, волчица настороженно лежала, опустив тяжелую голову на вытянутые передние лапы, и ждала у полупустого логовища. Здесь человек с ружьём расстрелял всю её семью, утащив с собой её маленького любимца. Уши волчицы чутко сторожили тишину. Она знала, что охотник придет за ней, и жаждала мести. Изредка приподнимала голову, втягивала влажными ноздрями воздух, ждала. Из сырого темного логова сначала раздался плач, а затем выполз ребёнок. Девочка жалобно ныла, прижимаясь к тёплой шерсти, шустро заползла под шубу животного. Кормящая волчица не успела отстраниться, лишь почувствовала, как к её наполненным молоком соскам жадно прильнули губки изголодавшейся малышки и зачмокали от удовольствия. Волчице стало намного легче, она благодарно несколько раз лизнула человеческому детёнышу го-

ловку...

Мальчонка, двенадцати лет от роду, совсем не похож был на своего отца. Он – полная противоположность ему во всём. Парнишка с любопытством постоянно изучал повадки птиц и зверей, кормил их из своих рук – так приручал некоторых к себе. Бывало, упадёт в траву на опушке леса, закроет глаза и затихнет. Работает только слух. Сколько звуков живёт в лесной тишине! Тут и дыхание леса, и шорох букашек, и пение птиц, и скрежет короеда, и чей-то скользкий полёт в высоте. А затем перевернётся, завалится на бок и прислушивается ухом к тому, как текут соки земли.

У крутого берега он любил играть с орлами – бросал палку с обрыва или мягкую игрушку, а орёл на лету успевал подхватить её и оставить где-то у гнезда. Мальчик тогда ещё не знал, что так орлица выбирает себе в пару орла. Она бросала ветку с большой высоты, и её избранник должен успеть был поймать её. Этот навык необходим орлам для обучения птенцов летать. Потому что, когда орлёнок подрастает и вываливается из гнезда, стоящего на скале, на отвесном утёсе, такой неуклюжий, ещё ничего не умеющий, и летит в пропасть, то папа (тот, который ловил когда-то веточки), стремглав бросается вниз и ловит себе на спину этого орлёнка, не дав ему разбиться. Так орлы учат своих птенцов. Птенец несколько раз срывается с этого склона и в какой-то момент расправляет на ветру свои боковые отростки-крылья, попадая в поток воздуха. У орлов ни один орлёнок не разбива-

ется. Так распорядилась природа с инстинктами птиц и животных, но людям отдала на откуп, полагаясь на их разум.

Семья охотника сидела в горьком раздумье. Когда родители догадались, что может случиться с их крошечной дочкой, их охватил панический ужас. Мать с отцом забились в истерике. Охотник первым делом схватил ремень и начал было сынишке пересчитывать рёбра за то, что не уследил за сестрёнкой. Но мать сурово вступилась:

– Не смей. Сам виноват во всём. Ступай в лес, спасай нашего ребёнка.

Тогда охотник схватил волчонка и вынес его из сеней, чтобы застрелить, а потом бежать в лес за волчицей. Но смыслённый сынишка сообразил, как лучше поступить, и слёзно попросил отца не убивать, а просто сбросить щенка с обрыва. Охотник с силой швырнул с обрыва в пропасть этот визжащий шерстяной комочек, вложив в бросок всю свою ненависть, злобу и своё бессилие от происходящего. Сорвал злобу и сразу поспешил в лес к поваленному дереву, не заметив, как орёл бросился вслед за летящим, как игрушка, малышом. Охотник не заметил случившегося чудо-спасения в той орлиной пропасти. Он решительно шагал напрямик к поваленной берёзе.

Убийца волчат не заставил себя долго ждать, появился перед логовом. Хрустнула веточка у дальней сосны на краю опушки. Чёрная тень воровски подобралась с подветренной стороны. Волчица всё равно учуяла этот ненавистный запах.

Она притаилась и, оскалившись, сидела у норы. Рядом с норой спала дочь охотника, который, увидав свою кровинушку, не мог оторвать от неё глаз. Но ему всё же пришлось это сделать, когда почувствовал на себе острый пахнувший смертью взгляд волчицы. Глаза их встретились. И тогда он понял, что она не шутит и готова отомстить. Как? Он догадывался. Охотник понимал, стрелять ему нельзя, может задеть крупной дробью ребёнка. Внутри от безысходности всё опустилось, руки с карабином – тоже. И лишь губы могли прошептать: «Не тронь ты мою дочь, зверьё поганое!?»

Теперь волчица не знала, что делать: ребёнок, опустошивший её грудь, как душу, перебил все планы. Волчица впервые была в полной растерянности, но инстинкт матери не позволял ей сделать задуманное. Тогда она подняла свою израненную морду вверх, как горн, и в исступлении выдавила изнутри гнев, боль и обиду в пространство звуком, похожим на крик обезумевших матерей. Волчий вой обнажил и так натянутые нервы охотника. Внутри всё обмякло от страха, когда он вдруг увидел, как слева и справа внезапно появились угрожающе торчащие из кустов силуэты волков. Во взгляде их метались молнии, из пасти сверкали обнажённые клыки. С помощью воя волки поддерживали связь друг с другом в стае и даже на дальних расстояниях. От жуткого страха охотник побежал прочь, теряя всякую месть, забыв про всё.

А тем временем добрый мальчишка, подхватив спасённо-

го орлом щенка, бежал тоже к поваленной берёзе. Он знал, что там могло происходить, он подслушал разговор взрослых. После того взгляда волчицы возле избы он стал уже другим, перешагнувшим через свой страх, повзрослевшим. Мальчик бежал и думал про всех. Ему надо было успеть обменять волчонка на сестрёнку. Он боялся того, чтобы отец опять не наделал непоправимых глупостей. Бежал с щенком в руках, устал, присел на пенёк отдохнуть. Голодный, он усталился на роскошный куст сочной волчьей ягоды. «Нельзя есть, – слышал он. – Интересно, едят волки эту отраву?» Поднёс к ветке куста волчонка, тот отвернулся от плодов. «Тогда почему они волчьи?» Не дождавись ответа, побежал дальше.

«Все маленькие близки друг к другу по своей природе, а расходятся между собой, когда вырастают и становятся важными взрослыми, – прижимая щенка к себе, мыслил на ходу малыш. – Они – эти взрослые вечно не могут поделить между собой кусок хлеба, а замахиваются своим недовольством на весь мир».

А в мире жизнь каждого существа в природе связана с поддержанием благополучия и направлена, в конечном счёте, на служение человеку. Они – эти взрослые, ну, никак не могут сообразить этого. Каждое живое существо имеет своё предназначение на Земле. Вот муравей – самое вдохновляющее существо в природе – никогда не сдаётся и работает дружно в команде. Как всё премудро создано вокруг.

Вырасту, буду как муравей». Неожиданно мальчик остановился, мысли враз выпали из головы. Он наткнулся на лежащее дерево и сидящую рядом волчицу.

От страха мальчик бросил на землю щенка и, отпрянув, забрался на ближайшее дерево. Обняв ствол, он втянул голову в плечи, чтобы казаться ещё меньше, чтобы не видно было его за веткой.

Сверху он видел, как волчица не спеша подошла, обнюхала и стала облизывать щенка. Обычно, если волчонок побывал в руках человека, то волки могут и не принять его в стаю. Но здесь особый случай: чёрный малыш – это единственное, что осталось у неё в жизни.

Еще наблюдательный мальчик разглядел, как его маленькая сестричка спокойно спала у входа в логово.

Покормив своего единственно оставшегося в живых малыша, волчица благодарно посмотрела на мальчика, крепко обнимавшего дерево из последних усилий, взяла зубами за холку волчонка и скрылась в кустах.

Как только исчез за деревьями хвост, у мальчика моментально пропал страх, он смело спрыгнул с ветви, подхватил дрожащими руками спящую сестру и побежал короткой лесной дорогой, напрямки, к деревне. Да угодил в болотце. Подошва под ногами зачмокала, когда он зачерпнул полные ботинки чёрно-коричневой жижи. «Главное не попасть в смердящие карманы», – думал про себя мальчик. Пришлось брести не спеша, осторожно, чтобы не угодить

в Скотову топь, которая постоянно глотала забредшую сюда деревенскую скотину...

По истоптанной лесистой тропе продвигалась группа деревенских охотников. Рядом бежали собаки. Мать похищенной девочки шла позади, всхлипывала и поторапливала мужиков. Не доходя до поваленной берёзы, они разошлись в стороны и двинулись цепью. У логова их встретила подозрительная тишина. Собаки, пущенные по команде «Фас!», никого из норы не выгнали, а лишь виновато скулили, тыкая мордами в траву. Никого. Рядом с норой валялась лишь грязная изодранная пелёнка. Женщина при виде такой картины разрыдалась пуще прежнего.

Охотники, прочесав безуспешно лес, двинулись обратно в деревню. Жена семенила рядом с мужем и рукой наотмашь периодически била его, приговаривая:

– Что же ты наделал, окаянный. Какой же ты гад, Шакалин. Да где теперь искать нашу доченьку? Как я без неё буду жить?!

Муж за это тревожное время осунулся, постарел, поседел и плёлся рядом, ничего не отвечая. Следы её побоев прятала униформа. Но сам он ни разу не ответил грубо жене. Виноват. Вина его безмерна.

Домой возвращаться не хотелось. Но когда подошли к плетню и увидели во дворе свою малышку в руках сына, радостно бросились обнимать и целовать обоих. Мать сразу подставила дочке свою большую грудь, держала девочку,

а другой рукой гладила сына.

На вопросительный взгляд небритого страшного отца маленький спаситель ответил просто:

– Она добрая – волчица. Отдала сама и ушла.

Волчица за причиненное ей горе, за смерть волчат и любимого, не тронула своих врагов, а просто ушла. Она отомстила, но без крови, лишь показав, что волк иногда сильнее человека. Она сумела передать виновнику своё большое горе.

Измощённый за эти дни охотник упал на колени, обнял сына и зарыдал, выпуская накопившийся чёрный пар наружу. Потом встал и надолго зачехлил ружьё. Навеки понял поседевший муж – как тяжело терять родных и близких.

А храбрый парень, как герой дня, выбежал за околицу с краюхой хлеба и раздавал всем добро. Ему навстречу слетались птицы, сбегались звери. Свежий ласкающий ветерок перемен пробежал по лесному простору, по волнистым светлым кудрявым волосикам мальчугана. Гонимый потоком воздуха, он спускался к реке, бросал в воду жменью крупы. Стайка прикормленных рыб так и сопровождала его, устраивая ему пляски на воде, пока он проходил мимо. А в брызгах студёного ключа купались лучи яркого солнца. День ожидался жарким. Пропитавшись движением родной реки в обрамлении камыша, кувшинок, лилий и древним лесом на другом берегу, в котором исчезла волчица с чёрным волчонком, бежал прочь от воды в пахучую травами степь. Здесь мальчик

падал на траву и долго смотрел в небо на парящих в голубой дали птиц.

Он думал о том, какие они – волки. Прощают ли людям причинённое зло, или несут обиду с собой всю их недолгую волчью жизнь? «Кар!» со старого дерева, сухостоя. На него смотрел седой мудрый ворон, который всё знал, всё видел и сказал:

«Живи, парень, вопреки неправильному течению реки жизни!»

Таёжная глушь с особенной яростью ломает упорство человека, потому что человек – самое мятежное существо в мире, потому что человек порой восстаёт против гармонии в природе, согласно которой всякое движение, в конце концов, должно прекратиться. Должно, но...

Природа – единственная книга, каждая страница которой полна глубокого содержания, а форма – красоты.

Небесные ПАРУСА

Десантник сидел в холодной яме, куда его раненого бросили люди в чёрном. Михаил хладнокровно соображал и вспоминал все боевые заповеди, чтобы погасить дрожь, ибо страх лишает помощи рассудка.

Яма, или зиндан, была метров шесть глубиной. Он определил это, исходя из своего роста и по тому, что были видны звезды со дна темного колодца даже светлым вечером. Михаил чувствовал, что с заходом солнца просто околует на дне глиняного мешка. Не спать. Надо действовать. Грели душу воспоминания о любимой: «Как она там на родине? Что же так и не узнает, как я воевал? Нет, я буду жить! Я обязательно выберусь!».

Миша вырос в приморском городке, на юге. Память окатила тёплая морская волна воспоминаний. Море! Он также отчётливо вспомнил, как наставник по вольной борьбе дядя Гриша в детстве говорил ему в толпе таких же пацанов, что он – Миша, очень смысленный и будет с честью выходить из любых ситуаций, как в схватке, а когда вырастет, будет управлять большим коллективом.

«Меня любят, меня ждут там!» – закрывая глаза, думал он.

Тепло вспомнил свою первую любовь, Светку, белокурую девочку с синевой в глазах. Правда, за ней увивался ещё

и сын богатого чиновника. Но она обещала Михаилу дождаться его.

«Меня ждут! Только не спать», – думал он, дрожа от холода.

За несколько минут в голове прокрутились кадры из той счастливой жизни у моря.

Умирать всем страшно. И прыгать с парашютом было вначале очень страшно. Но это нормально. Когда летишь в крошечную тьму кругом черная южная ночь, которая спрятала землю и открыла перед тобой небо, усыпанное крупными звездами и украшенное ярким, как на мечети, золотистым полумесяцем. Миша с детства мечтал, рвался в синее небо, обнимал его, казалось, бескрайними руками.

Как пробки от шампанского вылетали десантники из самолета и среди них – Михаил. Паря в струе потока, словно на облаке, переворачивался, видел жерло самолета и парящие силуэты боевых друзей. Синева неба вся в белых парашютах! Что может быть более прекрасным для мечущейся души юного воина. Десантники, словно ангелы, спускались с небес на грешную, опаленную войнами, землю.

Михаил метко стрелял. Его заметили и готовили в снайперы.

– Как вы думаете, на сколько сантиметров снизится горизонтальная траектория пули, когда она пролетит километр? – спрашивал офицер-снайпер молодых солдат. Их ответы сильно разделились: от одного сантиметра до метра.

И тогда Михаил проявил знания по физике. Он просто подсчитал вслух:

– Если принять, что скорость пули на выходе из ствола 700 метров в секунду, то значит она пролетит километр за две секунды. С другой стороны, пуля упадет за это время на высоту, получаемую по известной формуле: ускорение свободного падения, умноженное на квадрат времени и поделенное на два. Отсюда легко получить двадцать метров.

Все курсанты в классе начали бурно возмущаться, но офицер с восторгом похвалил сообразительного снайпера.

Навсегда Миша усвоил этот универсальный принцип: затаиться и сделать один, но верный выстрел. Плохим выстрелом выдашь себя, и больше шансов не будет.

В военном городке все сослуживцы были влюблены в молодую жену его командира – вылитую принцессу из гарема шаха Пехлеви. А он сравнивал её со Светкой. Нет, в неё его друзья не влюбили бы так. Жаль, конечно. Мише Екатерина, так звали капитанскую жену, тоже нравилась. Она хорошо пела и танцевала. На небольших местных концертах, которые устраивала для воинов, всегда был аншлаг.

При выполнении интернационального долга небольшую группу забросили в тыл врага. Их автомобиль подорвался на mine. Командир и водитель погибли сразу, а Михаила отбросило взрывной волной в кювет. Он пришел в себя, когда двое черных людей тащили его за ноги, голова болталась и ударялась о камни. Бросили в холодную, глиняную яму,

как мешок с картошкой. Через какое-то время снова появились черные бороды, бросили веревку. Миша подвязал ею кисти, и его выдернули наверх. Лицо сразу обдало горячим воздухом. Начали бить. Отхаркнув слюну с кровью, Миша прохрипел:

– Дерьмо, даже бить не умеете! Одного, вдесятером!

Мише казалось, что уже он говорил напрямую с Богом, а эти перед ним никто. Офицер задавал вопросы. Десантник отвечал бессвязно. «Блин, только бы не упасть перед этой мразью», – бодрил себя он, но ноги предательски дрожали. Его оттащили к зиндану, но бросать вниз не стали. Понимали, что при падении может отдать душу аллаху, а потому аккуратно опустили на веревках.

Вечером в проёме ямы показалась местная девушка. На ней сияли украшения, как у невесты. Они с Мишей встретились глазами. «Какие они глубокие и голубые, как у Светки», – промелькнула светлая мысль. – «Замечаю красоту, значит ещё жив.»

Девушка что-то жевала, но при этом, не мигая, смотрела на него. Оставшийся кусок уронила в яму. «Сушеная дыня» – сразу понял он. Если есть экономно, то хватит надолго. Он благодарно подмигнул ей. Она продолжала внимательно смотреть на грязного белого мужчину и что-то говорила, показывая по сторонам. Михаил понял, что вокруг много таких ям: он немного изучил язык чёрных людей. Девушка ещё сказала, что пленники живут здесь годами. «Рабство в 21-м

веке. Какая дикость» – подумал он.

Незнакомка продолжала смотреть, и десантник заметил, что он ей понравился. Она заглядывала в его бесстрашные глаза, и вдруг с осознанностью зрелой женщины отцепила от волос муйбанд – индийскую металлическую заколку, бросила в яму:

– Это вам от меня! – прошептала она на своём и, покраснев, скрылась из виду.

Эта ночь имела свой цвет: холодная синева и свинцовая мгла нависли над ямой. Всё тёмное время он ковырял в глине ступеньки этим спасительным маленьким предметом, согреваясь от работы. Под утро из проёма показалась его ошалевшая, сонная голова. Ещё минуту назад бывший раб не понимал, радоваться ему или его часы отсчитывали последние минуты.

Собаки бестолково брехали на всю округу. Стражник в тёплой бурке с надвинутой на глаза папашой спал. Пленник отполз от ямы по гадючьим: тихо и вкрадчиво. Чуть ниже была речка, где воробью по колено. В нее зашел так, что якобы он ушёл вниз по течению в сторону родной воинской части, в иле могли остаться его следы. Но через несколько метров Миша резко развернулся и пошел вверх против течения. Нормальная тактика: облава бросится ловить беглеца вниз по ходу к своим, а он тем временем отсидится наверху, наблюдая с горки погоню. Потеряет день, но выиграет жизнь. Таинственный мир воды и растений закрывал живой

ширмой его беглый след.

Утром с высоты своего убежища Михаил осторожно наблюдал, как по его следу стремительно бежали чёрные люди с автоматами. По дороге вдоль реки проехала пара чёрных джипов, из окон которых торчали снайперские винтовки. Минут тридцать спустя он услышал отдалённый гул летевших из-за леса вертолётов и тогда Миша вообще свернулся калачом под упавшим с ветвями деревом и видел, как они проносились мимо, сверкая оптикой биноклей. Страх втянул его голову в плечи, подобрав под ветки ноги: «Лишь бы не увидели! Иначе конец!»

Когда звук винтов стал стихать, он наскоро с удовлетворением оглядел своё родное голубое небо. С успокоившимся сердцем отметил, что крылатые птицы тоже выкрашены чёрной матовой краской. Когда гул за кронами деревьев стих вовсе, только тогда он выполз из под спасительного вихрастого бревна.

Сутки скитался в дальних уголках леса свободного от аулов и кишлаков, перекусывая спелой ягодой, попадающейся по дороге. Ночь провёл на дереве, подстелив два брёвнышка и мох с ветками и вооружившись камнями. Заснул и вскоре послышалось, как кто-то ползёт рядом по стволу. Он понял, что этот кто-то не человек и бросил в него камень. Большая тень тут же метнулась на землю и затаилась. Миша перегнулся через лабаз, но в окружающем лесном пейзаже не было видно никого, кроме тускло мерцающего света, под-

красившего один край неба в багрово-алый цвет, чтобы показать ему, где восток, куда пробираться к своим. Он поёжился и услышал сквозь пронизывающий холодный горный ветер – одинокий, как и он сам, крик: то ли последняя ночная птица отходит ко сну, то ли проснулась первая дневная. Какой там сон! Он спрыгнул со своего гнезда, повернулся лицом на зарево и пошёл вперёд.

Всё утро и день он перебежками добирался до расположения своего полка, и вот уже виднелась вышка наблюдателя. Он уже слышал, как с блок-поста ему кричали, и видел бойцов-товарищей с голубыми беретами:

– Мишка, ты жив?! Ах ты, чертяка везучий.

От радости Миша расслабился, вскочил и побежал, размахивая руками, и тут же выдал себя: попал под огонь вражеского снайпера. Но тот стрелял не метко, это Миша понял, когда резанула боль в ноге: не взял нужное упреждение, снайпер-двоечник. И он упал, притворившись мертвым.

Через несколько минут к своей братве он дополз с простреленным коленом.

Когда хирург вынимал пулю и чистил рану, Миша, опьяненный спасением и анестезией, пытался петь песню про Марусю. Он внезапно испытал облегчение, осознав, что его трудный путь к смерти наконец-то окончен. И Миша не сдерживал себя от выплёскивающих наружу чувств, потопляя в себе всякий стыд, гладил медсестру по голове. Она понимающе улыбалась, когда он начал гладить её по спине. Ему бы-

ло рядом с ней намного легче наблюдать внутренности развороченной коленки.

Михаила наградили медалью «За отвагу» и отправили лечиться в тыл. После демобилизации по ранению, вернулся в родной городок. Но, когда узнал, что любимая девушка не дождалась, вышла замуж за его знакомого, уехал в столицу и поступил на физмат МГУ, благо помогла служба в горячих точках.

Потом Михаил занимался бизнесом. Новую любовь он так и не встретил. Да и девушки не спешили к слегка прихрамывающему на одну ногу юноше. И тогда он вернулся снова к морю, будто какая-то сила внутри вела его сюда, в родные места, словно исполняя поговорку: «Где родился, там и пригодился!».

Но всё это время перед глазами стоял образ его юной спасительницы, смуглой девушки с голубыми глазами. Надо быть благодарным судьбе. Он решил зафрахтовать яхту. У него в голове давно свербила шальная мысль, которая вдруг нарисовала отчетливую картину: море, причал, яхта с голубыми парусами и девушки и парни из школы, в которой когда-то он учился.

Решение пришло само-собой, он подарит им круиз по Чёрному морю, в память о тех, кто не вернулся из горячих точек. В школе как раз прошли выпускные экзамены, и выпускники по возрасту были похожи на его спасительницу, девушку-подростка.

В светлое воскресенье в залив приморского городка вошла яхта с голубыми, надутыми ветром, парусами под названием «Синева». На капитанском мостике стоял у штурвала сам Михаил в чёрной шляпе, белой рубашке, подобно образу капитана Грэя из «Алых парусов».

Пристань была уже заполнена полностью не только счастливыми выпускниками, но и любопытными взрослыми. Всем захотелось полюбоваться на щедрого и доброго мецената. Жизнь в глубинках страны не отличается разнообразием, поэтому на такие чудеса интересно посмотреть простому обывателю.

Тем временем, в толпе на набережной при виде яхты с синими парусами произошло сильное замешательство, и волна удивления, а затем радости, прошла по нестройным рядам, словно цунами. И только оркестр молчал в ожидании взмаха смычка, как команды капельмейстера.

Михаил никогда не волновался так, как в эти минуты, оглядывая в бинокль кипящий людьми берег, для которых все цвета – голубой, изумрудный и синева, сливались в ожидание чего-то радостного, светлого.

В однородной толпе приморцев, ожидающих местного чуда, взгляд Михаила выхватил одно лицо: он узнал Катю, жену командира. Его сердце ещё больше затрепетало, застучало, как поршни мотора на полном ходу.

Катя приехала в городок на отдых. Сняла комнату на горе, откуда хорошо просматривалось море. С раннего утра Катя

уходила на пляж и возвращалась румяная уже только к ужину. Но сегодня её охватило непонятное волнение, и она решила остаться в съёмной комнатке.

– Може, девонька, перегрелась увчѐра. Ась напекло голову, – спрашивала хлопотливая хозяйка. – Ляг в тень, милая, отдохни. Почитай-ка чегось.

Катя, найдя местечко в тени на террасе, сидела и читала книгу о море, о приключениях. Иногда мыслями уходила в память. Странно, что прожила после гибели мужа столько лет, и никто не смог заменить его. А счастье, оно так просто – в нажатии дверного звонка, когда тебе открывает дверь твой родной человек.

Она посмотрела в зеркальце – у неё было круглое лицо, добрые голубые глаза, от которых уже лучиками разбегались мелкие морщинки, и улыбнулась сама себе, создавая внутри позитив.

Вдруг взгляд скользнул поверх страницы и в синем пространстве она разглядела белую яхту с голубыми парусами. Предчувствие её не обмануло, и паучок крутился с утра на ниточке, как на стропе, предвещая приятную новость. Прикрыв книгу «Алые паруса», она поспешила на берег к голубым парусам, гонимым свежим утренним ветром. Она почти бежала, волновалась, так как не видно было парусов, за огромными тополями и кипарисами, как бы взлетающими к небу и закрывающими картинку моря.

Как только белая яхта причалила к пирсу, сразу грянула

мелодия «Школьный урок», а затем «Марш дельфинов», выплескивая оркестровую медь на очередное удивление толпы торжественным звучанием.

Пока на палубу пробирались сквозь строй довольные выпускники, Михаил распорядился вместе с ними пропустить Екатерину. Яхта для него сразу засияла каким-то другим, более ярким светом.

Катя сразу узнала весёлого сослуживца её погибшего мужа и была рада такой встрече.

Пушки фейерверками с яхты палят, кораблю отчалить велют.

Прозвучала команда капитана: «Отдать швартовы! Поднять паруса!».

Все пассажиры на палубе были счастливы. Плыть в море на настоящем корабле, да ещё под небесными парусами – это просто сказка. Они слышали настоящие команды шкипера:

«Потрави снасть! Задай крюйс-бом-брам-брас на утку!».
«Хватит вымачивать! Поднять якоря!».

С попутным береговым ветром яхта «Синева» быстро вышла в открытое море.

Сначала Михаил рассказал ребятам про службу в Воздушно-десантных войсках, про то, как с боевыми друзьями выполнял интернациональный долг. С ростры, похожей на орлиный клюв, бросили алый веноч с черной лентой в беспокойные морские волны.

Багряные лучики и лёгкий бриз нежно ласкали молодые

счастливые лица ребят. Матросы с улыбкой наблюдали за самым приятным грузом в их жизни на этом корабле. Ежели солнце красно к вечеру, моряку бояться нечего.

В открытом море яхта легла в дрейф и на палубу с шестом опустились паруса. Катя по просьбе Миши спела несколько песен. Затем вместе с выпускниками они пели, танцевали, веселились, и не было счастливее их никого на всём Чёрном море.

– Катюша, вижу, что вам нравится наше необычное путешествие? – спросил в конце плавания Михаил.

– Конечно, мне давно не было так легко и радостно, – восторженно улыбалась молодая женщина. – Спасибо вам, Михаил.

– А завтра пойдете с нами в море?

– Конечно, с удовольствием!

– Тогда записываем вас в дружный штат команды, – предложил счастливый капитан. – Будете, Катюша, нашим морским аниматором, помощником шкипера по культуре.

Когда через несколько дней яхта уходила в море без пассажиров, на палубе оркестр не играл марш Мендельсона. После того, как осушили на берегу бочонок рома, по случаю венчания капитана, команда работала вяло, но дружно. На капитанском мостике стояли в обнимку счастливые Михаил с Катей, да рулевой со штурвалом.

За импровизированным столиком капитан корабля Михаил поднял бокал и, глядя на Катю, с пониманием своего дол-

га сказал лишь только один тост: «За тех, кого с нами нет. И за тех, кто в стропах!».

Корабль под парусами, наполненными ветром любви, надежды и веры, уплывал к берегам новой жизни.

А вслед ему в море летела чарующая мелодия любви, которую бережно выводила все понимающая скрипка.

Сердца влюблённых замирали, а душа летела впереди, бежала по волнам, спешила обрести покой и счастье в такой беспокойной судьбе небесных рыцарей.

Легенда о СЧАСТЬЕ

Это произошло в середине прошлого столетия. В сибирской тайге на севере Омской губернии ходила легенда о Марье-болотнице, которая заманивала молодых парней на болотные кочки, где пропадали они в топкой трясине, и больше их никто не видел. Старые люди поговаривают, что Марья была из племени манси, которое придерживалось религии шаманизма. Коренной народ Сибири называл себя Манси, что означает «Человек». Проживали они на территории Югры вдоль большой реки Оби, в которой полно всякой рыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.